А.Д.Тюриков

О второй части романа Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда» в переводе Е.П.Блаватской

Чарльз Диккенс (1812–1870), один из крупнейших писателей XIX века, не успел завершить свой последний роман «Тайна Эдвина Друда» («The Mystery of Edwin Drood»). Роман должен был выйти в двенадцати ежемесячных выпусках журнала «All The Year Round» («Круглый год»), но на момент смерти Диккенса (9 июня 1870 года) было опубликовано только три выпуска, позже были изданы еще три, найденные в рукописях (апрель-сентябрь 1870 года). Таким образом, английский прозаик успел написать половину романа. Читателям и критикам оставалось только гадать, как развернулся бы далее увлекательный детективный сюжет. С тех пор литературоведы и любители-диккенсоведы предлагали множество версий окончания романа.

Подлинное продолжение «Тайны Эдвина Друда» появилось на свет самым удивительным образом, причем через три года после смерти классика английской литературы. Как гласил подзаголовок этого издания, вторая часть романа была «окончена духом Ч.Дик[к]енса посредством медиума Т.П.Дже[й]мса[1]». Интересно, что читатели получили не низкопробный опус рядового психиста, а замечательное художественное произведение, имеющее отличительные черты диккенсовского стиля. По всей видимости, к его необычному появлению были причастны Учителя Востока, которые подобным способом стремились утвердить людей в реальности Иного мира и расширить их материалистические представления. Можно сказать, что история создания и распространения второй части романа Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда» является *метаисторическим событием*.

Информацию о том, что в американском городе Братлборо[2] пишется продолжение «Тайны Эдвина Друда», сообщили всему миру во второй половине 1873 года спиритические издания «Banner of Light» (Бостон) и «The Spiritualist» (Лондон).

А.Н.Аксаков, один из основоположников научных исследований парапсихологических явлений в России[3], процитировал некоторые из этих сообщений в своей книге «Анимизм и спиритизм»: «Когда распространился слух, что роман Диккенса дописывается таким необычайным способом, газета “Springfield Daily Union”[4] отправила своего корреспондента в Братльборо (в штате Вермон[т]), где проживал медиум [Т.П.Джеймс], чтобы разузнать на месте обо всех подробностях; я приведу здесь несколько выдержек из его отчета, напечатанного на восьми столбцах в № от 26 июля 1873 г. названной газеты и перепечатанного в “Banner of Light”[5], а затем отчасти и в “Спиритуалисте” 1873 г., с. 322[6], откуда мы их и заимствуем.

Вот что говорится о самом медиуме: “Он родился в Бостоне, и на четырнадцатом году стал обучаться механическому мастерству, которым занимается и по настоящее время, так что его школьное образование закончилось, когда ему было тринадцать лет. Не будучи нисколько неграмотным или непонятливым, он, однако, не имел никакого расположения к литературным занятиям и до этого никогда им не предавался – даже ни разу не пытался поместить в газете хотя какую-либо статейку. Таков человек, который взялся за перо Чарльза Диккенса, чтобы закончить и почти закончил “Тайну Эдвина Друда”.

Я был первым, кому посчастливилось узнать от него самого все подробности, рассмотреть рукопись и сделать из нее извлечения.

Дело было так: месяцев десять тому назад молодой человек (которого для краткости я буду называть г[осподин] А.[7], так как медиум до сих пор не желает оглашать своего имени) был приглашен своими приятелями присесть к столу для спиритического опыта. До этого времени он

---

[1] Томас Пауэр Джеймс (Thomas Power James, 1837 – после 1882).
[2] Братлборо (Brattleboro) – город в штате Вермонт (США), в 130 км от Бостона.
[3] Александр Николаевич Аксаков (1832–1903) – писатель, переводчик, издатель.
[4] Спрингфилд – город в 190 км от Бостона, в 85 км от Братлборо.
[5] Banner of Light, 1873, 9 августа. С. 1, 8.
[6] The Spiritualist, 1873, 15 сентября.
[7] Т.П.Джеймс.

смеялся над всякими “спиритическими чудесами”, считая их шарлатанством, нисколько не подозревая, что он сам обладает какими-нибудь медиумическими способностями. Едва начался сеанс, как стали раздаваться учащенные стуки и стол после самых резких и разнообразных движений опрокинулся на колени к г[осподину] А., чтобы показать, что медиум был он. На следующий вечер его пригласили участвовать в другом сеансе. Проявления были еще сильнее. Г[осподин] А. внезапно впал в транс, схватил карандаш и написал сообщение от имени ребенка одного из присутствующих, о существовании которого г[осподин] А. ничего не знал. Но распространяться о дальнейших случаях этого рода мне здесь нет надобности...

В конце октября прошлого 1872 года на одном из сеансов г[осподин] А. написал сообщение к себе самому, подписанное именем Чарльза Диккенса, с просьбою дать ему специальный сеанс 15 ноября; по приближении этого срока ему постоянно о том напоминалось... Результатом сеанса 15 ноября, который, согласно данным указаниям, происходил в темной комнате, в присутствии одного А., было длинное сообщение от имени Диккенса, выражавшего желание закончить через него как медиума неоконченный им роман. В сообщении говорилось, что он (Диккенс) давно искал, каким бы способом этого достигнуть, но до сих пор не находил никого подходящего для успешного выполнения такой задачи. Он желал, чтобы первая диктовка происходила в канун Рождества, в ту ночь, которую он более всего любил на земле, и просил медиума отдать на это дело столько времени, сколько это было для него возможно без ущерба для его обычных занятий... Вскоре стало очевидно, что тут работает рука мастера, и г[осподин] А. стал охотнее покоряться постигшей его странной участи. Результат его труда от Рождества до настоящего времени (июля 1873 года), – труда вне ежедневных десятичасовых занятий своим ремеслом, – представляет теперь 1200 страниц рукописи, которой достаточно для октавного тома в 400 страниц”.

Критикуя затем новую часть романа, корреспондент говорит: “Здесь перед нами прежде всего целая группа лиц, каждое с своими отдельными характеристическими чертами, и роли всех этих лиц должны быть выдержаны до конца – труд нелегкий для человека, который никогда отроду ни о каком предмете не написал и трех страниц. И вот в первой же главе нас поражает полное сходство новой части с прежней: нить рассказа подхвачена с того самого слова, на котором она была прервана смертью, и повествование продолжается с такой цельностью, что самый острый глаз критика, незнающего, где кончилось старое и где началось новое, не будет в состоянии уловить тот момент рассказа, когда смолкло слово Диккенса! Каждое лицо романа продолжает быть столь же живым, типичным, верным самому себе во второй части, как и в первой. И это еще не все: мы знакомимся с другими новосозданными личностями (Диккенс всегда вводил новые лица даже в последних главах своих романов), и эти лица никак не дубликаты героев первой части, не просто манекены, а живые люди, цельные созданные типы. Кем же созданы они? (стр. 323).

Здесь некоторые подробности, – говорит критик, – могут представлять несомненный интерес. Рассматривая рукопись, я нашел слово *traveller* (путешественник), везде написанное с двумя *l*, как это всегда соблюдается в Англии и очень редко у нас в Америке. Также слово *coal* (уголь) всегда писано *coals,* как принято в Англии. Нельзя не заметить еще особенного употребления больших букв, как это встречается у Диккенса. Удивительно знакомство с топографией Лондона, как это видно из некоторых приведенных мною выдержек. Встречаются обороты речи, совершенно неслыханные в Америке, но обычные в Англии. Упомяну еще о внезапных переходах от прошедшего времени к настоящему, особенно в живом рассказе, переход, очень любимый Диккенсом, особенно в его последних сочинениях. Эти и многие тому подобные частности, быть может, и не важны, но именно о них бы и разбилась грубая подделка”.

Вот заключение, к которому приходит корреспондент: “Я приехал в Братльборо в уверенности, что найду это посмертное творение легко разоблачаемой подделкой. После двух дней тщательного и критического рассмотрения я уезжаю, признаюсь, порядком озадаченный. Я отвергаю прежде всего как нечто невозможное – как сделает это и всякий после тщательного расследования дела – то предположение, что эта рукопись была написана самим медиумом. Он говорит, что никогда не читал первого тома, и мне нет дела до того, читал он его или нет, так как я совершенно убежден, что он не в состоянии написать даже одной страницы второй части. И в этом

нет для него ничего обидного, ибо многие ли способны делать то, что Диккенс оставил недоделанным.

Я вынужден поэтому признать одно из двух: или какой-нибудь гениальный человек употребляет личность А. как орудие, чтобы необыкновенное произведение представить публике и путем необыкновенным, или эта книга, как и претендует ее неведомый автор, есть действительно диктовка самого Диккенса с того света. Едва ли второе предположение чудеснее первого. Если есть в Вермонте человек, доселе неизвестный, способный писать как Диккенс, то ему, разумеется, нет надобности прибегать к таким приемам. Если же, с другой стороны, сам Диккенс "хотя и мертв, но глаголет", то чего же ждать еще? Я должен по чести заявить, что при предоставленной мне полной свободе исследования я не нашел ни малейшего признака обмана; а если б я имел право обнаружить имя "медиума-писца", то этого было бы достаточно, чтобы удалить всякую тень подозрения среди тех, кто его сколько-нибудь знает".

Вот некоторые подробности относительно того, как писалось продолжение романа:

"Сперва медиум писал только три раза в неделю по три или по четыре страницы зараз, но потом стал писать по два раза в день и по десяти, двенадцати и иногда даже по двадцати страниц в один присест. Почерк не его собственный и, насколько удалось сравнить его, имеет некоторые особенности Диккенсова. В начале каждого сеанса почерк красив, изящен, точно женский, но с каждой дальнейшей страницей становится все грубее и грубее и на последней оказывается раз в пять, если не в десять, крупнее, чем на первой странице; такой порядок в изменении почерка наблюдается на всех написанных доселе полутора тысячах страниц, резко отделяя один сеанс от другого. В начале некоторых страниц стоят стенографические знаки, о которых медиум не имеет никакого понятия. Иногда писание было столь быстрое, что трудно разобрать его.

Способ ведения сеансов очень не сложен. Приготовив два остроочиненных карандаша и большое количество бумаги, разорванной на полулисты, г[осподин] А. уходит один в свою комнату. Обычное время писанья – шесть часов поутру и половина восьмого вечером, т.е. такие часы, в которые в это время года светло; впрочем, вечерние сеансы нередко переходят за половину девятого и позднее, и писание происходит одинаково хорошо в темноте, как и при свете, зимою же все сеансы происходят в темноте. Положив бумагу и карандаши так, чтобы удобно было достать их, этот "писец" Диккенса кладет руки на стол ладонями вниз и беззаботно ждет результата. Впрочем, не вполне беззаботно, ибо хотя явление, давно потеряв свою новизну, стало для него уже привычным, а все-таки, по его собственному признанию, оставаясь один на этих сеансах и как бы вызывая умершего, он никогда не может отрешиться от некоторого чувства страха. Сидит он в ожидании, куря иногда в это время сигару, две, три, пять минут, а не то и десять, даже полчаса, но обыкновенно, если "условия хороши", не более двух минут. Условия главным образом зависят от погоды. В светлый, тихий день и его машина, как и электрическая, работает безостановочно; буря производит помеху; чем буря сильнее, тем помехи больше, так что в очень дурную погоду сеанс отлагается. Просидев за столом в ожидательной позе потребное, смотря по условиям, время, г[осподин] А. не постепенно, а вдруг теряет сознание, и писание продолжается полчаса, час, однажды оно продолжалось целых полтора. Единственное воспоминание, сохраняемое медиумом об этом трансе, это видение им всякий раз Диккенса, сидящего возле него, склонившего голову на руки как бы в сильной задумчивости с серьезным, несколько грустным выражением лица. Он не говорит ни слова, но иногда внушительно взглядывает на медиума: "О, какие это глаза!"

Вспоминается это медиуму так, как вспоминается нам тотчас после пробуждения только что виденный сон, т.е. как нечто реальное и вместе с тем неуловимое. В знак, что сеанс кончен, Диккенс всякий раз кладет на руку медиума свою холодную, тяжелую руку; в начале сеансов г[осподин] А. вскрикивал при этом прикосновении, да и теперь при воспоминании о нем невольно вздрагивает. Через это прикосновение он приходит в себя, но обыкновенно требуется еще посторонняя помощь, чтобы отнять его руки от стола, к которому они, по-видимому, магнетически притягиваются.

Придя в себя, он находит на полу исписанные в тот день листки, разбросанные по разным направлениям. Страницы не перенумерованы, и г[осподину] А. приходится впоследствии уже по смыслу проставлять страницы. Некоторое время после окончания сеанса медиум чувствует сильную боль в груди, но она скоро проходит; вот единственное испытываемое им неприятное

последствие. Чрезвычайная нервозность, которою он страдал прежде развития своих медиумических способностей, теперь совершенно его оставила, и он никогда не был так крепок и здоров физически” (с. 326).

Для больших подробностей отсылаю читателя к с. 322–326[8] и 375 “Спиритуалиста” 1873 г.[9], где помещены и выдержки из новой части романа, и еще к стр. 26 1874 года[10], на которой г[осподин] Гаррисон[11], издатель “Спиритуалиста”, хороший знаток английской литературы, выражается по этому поводу следующим образом:

“Трудно предположить, чтоб гениальность и художественность, проявляющиеся в этом произведении, носящем на себе такую печать сходства с Диккенсом, могли побудить его автора, кто бы он ни был, предстать перед миром только в роли искусного подделывателя”»[12].

* * *

Е.П.Блаватская, прибыв в Америку в июле 1873 года, отправилась через короткое время, по всей видимости, по указанию Учителя в Братлборо, где и познакомилась, с типографским рабочим Томасом Джеймсом, присутствовала при его «работе» над продолжением романа Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда» и сразу же выполнила перевод полученных записей на русский язык. Этот перевод был осуществлен неслучайно. Осенью 1874 года Елена Петровна вступила в переписку с А.Н.Аксаковым. В своем первом письме к Александру Николаевичу от 28 октября она предложила знакомить его с новинками зарубежной спиритуалистической литературы и высказала пожелание опубликовать свой перевод второй части романа «Тайна Эдвина Друда» на родине: «Вы вероятно также слышали о посмертном сочинении Диккенса. Вторая часть неоконченного им при жизни романа его “Эдвина Друда”. Я перевела эту вторую часть, и она лежит готовая у меня... Дух ли Диккенса написал ее, или сам медиум James, но эта вторая часть признана всей американской и европейской прессой (с малыми исключениями) за совершенное facsimile[13] слога Диккенса и его неподражаемого юмора... <…> Очень бы я хотела видеть напечатанное в России окончание вышеупомянутого романа Диккенса. Я долго над ним работала и переводила с манускрипта Джемса, как он писал под диктовку духа Диккенса...»[14] Аксаков об этой просьбе Блаватской сообщил писателю Н.С.Лескову (1831–1895).

В письме от 21 ноября 1874 года Николай Семенович ответил Александру Николаевичу: «Блавацкая, мне кажется, смело могла бы переводить роман. Я думаю, что я нашел бы и издателя»[15]. Одновременно Лесков оповестил читателей в двух заметках («Роман, дописанный мертвецом» и «Окончание романа Диккенса, написанное его духом»[16]) в газете «Русский мир» о

---

[8] The Spiritualist, 1873, 15 сентября.

[9] The Spiritualist, 1873, 1 ноября.

[10] The Spiritualist, 1874, 16 января.

[11] Уильям Генри Гаррисон (1841–1897) – издатель газеты «The Spiritualist» (1874–1879).

[12] *Аксаков А.Н.* Анимизм и спиритизм. Уфа, 1910. С. 351–357.

[13] факсимиле (*англ.*).

[14] Цитируется по: *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 282–283.

Поскольку оригиналы писем Е.П.Блаватской к Вс. С.Соловьеву до настоящего времени не обнаружены, фрагменты из них даются из его клеветнической книги «Современная жрица Изиды». По нашему мнению, письма напечатаны без искажений. Во время публикации книги (в 1892 году) были живы родственники Елены Петровны – Н.А.Фадеева и В.П.Желиховская, которые могли потребовать от автора эти письма для прочтения, и при обнаружении фальсификаций Соловьев не избежал бы публичного скандала. Но никаких возмущенных заявлений после выхода книги по поводу опубликованных в ней писем Е.П.Блаватской от них не последовало.

Письма Е.П.Блаватской А.Н.Аксакову за 1880–1886 годы и копии писем А.Н.Аксакова Е.П.Блаватской за 1874–1877 годы хранятся в РО ИРЛИ в фонде А.Н.Аксакова (ф. 2).

[15] РГАЛИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 114. Л. 4.

[16] Русский мир, 1874, №312, 13 ноября; №320, 21 ноября (раздел «Обо всем и отовсюду», без подписи) (см. также: Заметки Н.С.Лескова о продолжении романа Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда» (газета «Русский мир», 1874) // http://art-roerich.org.ua/sites/default/files/blavatska/Leskov_Drud.pdf).

В письме от 21 ноября Н.С.Лесков сообщил А.Н.Аксакову: «№, где была первая заметка, не мог отыскать; но сделав с Ваших слов вторую, спешно ее препровождаю». А.Н.Аксаков в своем Дневнике отметил 22-го ноября получение этого письма от Н.С.Лескова и «замет[ки] Рус[ского] Мира об “Тайне Эдв[ина] Друда”» (РО ИРЛИ, ф. 2). В

скором выходе в свет продолжения романа Диккенса, «полученного таким необыкновенным до сих пор путем». В первой заметке он сообщил, что его переводом занята «одна наша очень просвещенная соотечественница г-жа Б.» (то есть Блаватская) и «вероятно труд этой переводчицы в скором времени будет доставлен в Россию и будет напечатан». В следующей заметке под «американским корреспондентом» имелась в виду также она. Это была первая информация о Елене Петровне в русской прессе.

Во втором письме к Аксакову от 14 ноября Блаватская напомнила, что она «перевела “Эдвина Друда”, и он давно готов»[17]. Александр Николаевич в ответе от 10/22 ноября обнадежил Елену Петровну: «Что касается до Эдвина Друда, то, во всяком случае, перевод Ваш присылайте. Думаю, что, так или иначе, найдем возможность поместить его в каком-нибудь журнале, потрудитесь также прописать условия Ваши». В следующем письме от 11–13 декабря Аксаков известил Блаватскую о газетных публикациях, посвященных «роману» Диккенса: «О русском переводе *Тайны Эдв[ина] Друда* уже появились, со слов моих, две заметки в “Русском мире”; жду Вашей рукописи…»

Перевод «Тайны Эдвина Друда» был прислан Аксакову в феврале 1875 года. Он написал Блаватской 12 марта, что отдал его «читать в литературные руки: говорят, перевод не удовлетворителен; переводить Диккенса нелегко; надо будет потолковать о том, чтобы поручить кому-нибудь править Ваш перевод в надлежащий вид». В письме от 16/28 мая Александр Николаевич сообщил Елене Петровне: «Друда я в одну редакцию уже предлагал, но безуспешно; рукопись возвратили; причина возвращения мне еще не известна; прежде чем дать ее выправлять, надо заручиться чьим-либо согласием ее напечатать. Постараемся». Но опубликовать продолжение романа Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда» в переводе Е.П.Блаватской в то время так и не удалось. Скорее всего, «неудовлетворительный перевод» был здесь ни при чем, а как и предполагал Н.С.Лесков, «редакции побоялись печатать произведение духа»[18].

Первая публикация этого перевода Е.П.Блаватской состоялась только в 2016 году[19]. К сожалению, она «получилась неудачной, некачественной и ненаучной. Текстологическая работа проведена редактором-составителем крайне некорректно и безответственно, рукопись издана со многими искажениями текста, заключающимися в ошибочной расшифровке, самовольных перестановках, вставках и изъятиях слов и даже целых фраз»[20].

Вторая часть романа Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда» в переводе на русский язык Е.П.Блаватской была подготовлена к публикации с соблюдением всех норм научного издания автором этой статьи и размещена на сайте Бахмутского Рериховского общества[21].

* * *

Анализируя обе части романа «Тайна Эдвина Друда», мы можем сказать, что уже в первой главе находится ключ к пониманию замысла произведения. В Клойстергэмском соборе звучит вечерняя литургия, которая начинается словами из Книги пророка Иезекииля: «И беззаконник, если обращается от беззакония своего, какое делал, и творит суд и правду, – к жизни возвратит душу свою» (18, 27)[22]. Эти слова, без сомнения, относятся к Джону Джасперу, который в конце

следующем письме Николай Семенович продолжил: «…Для Вас первую статью отыскал, вырезал и при сем прилагаю» (РГАЛИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 114. Л. 5).

[17] Цитируется по: *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 284.

[18] *[Лесков Н.С.]* Роман, дописанный мертвецом // Русский мир, 1874, №312, 13 ноября.

[19] *Блаватская Е.П.* Собрание произведений в 24 томах. Т. 1 (1851–1873). М., 2016.

[20] Текстовая вивисекция, или как Олег Болдырев издает собрание сочинений Е.П.Блаватской // Ярославское Рериховское общество (офиц. сайт). URL: http://yro.narod.ru/zaschitim/blavatskaya-zashchita-ot-boldyreva.htm

[21] https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html

[22] См.: «Переводчица [О.Холмская] – скорее всего, по небрежности – неверно определила первую фразу церковной службы – “When the wicked man...” Она взяла перевод из церковнославянского варианта Притчей Соломоновых: “Егда приидет нечестивый...”, что в синодальном русском переводе звучит так: “С приходом нечестивого приходит и презрение, а с бесславием – поношение” (Притч. 18, 3). (В KJB: “When the wicked cometh, then cometh also contempt, and with ignominy reproach). На самом деле у Диккенса цитата из [Книги пророка] Иезекииля: “Again, when the wicked man turneth away from his wickedness that he hath committed, and doeth that which is lawful and

романа раскаялся в злодеяниях и тем спас себя от духовной смерти: «Ибо он увидел и обратился от всех преступлений своих, какие делал; он будет жив, не умрет»[23]. «Попроси у Бога простить мне, Бетси, – обращается он к своей покинувшей этот мир восьмилетней дочери, – и проведи мой грешный дух к Стопам Всевышнего Судьи. Теперь ты – чистый Ангел, девочка моя, и можешь читать в моем разбитом сердце. Оно так полно раскаяния и горя – ты это видишь сама, не правда ли?» Отцу Небесному важно не наказание, а осознание грешником своей неправедной жизни. После раскаяния лицо умершего Джаспера было спокойно и «улыбка выражала счастие». Сюжет романа укладывается в евангельскую притчу о блудном сыне[24].

Джон Джаспер, регент Клойстергэмского собора, главное действующее лицо романа, обладал способностью овладевать волей людей. Этой способностью он пользовался так или иначе при совершении своих преступлений, которых набралось немало. Он соблазнил и бросил умирать в нищете юную Бетси Трендерс, мать маленькой Бетси, пытался убить своего племянника Эдвина Друда, оклеветал Невила Ладлеса и, испытывая неудержимую страсть, похитил Розу Буттон. Некоторые персонажи помнили «черные, огненные, злые» глаза Джаспера, а в его «сверлящем взгляде» ощущалась «разрушительная сила». Для них он «коварный и лукавый дьявол», «страшный, чертовски подлый и мерзкий» человек, у которого «ничего, кроме преступного, не может гнездиться» в душе и который «питает адские мысли в своем чудовищном сердце». Роза постоянно испытывала к нему «чувства боязни и отвращенья», а при виде его ею овладевало «омерзительное чувство подчиненности и безволия».

Джаспер находился под воздействием невидимых сущностей, «злых демонов», частью созданных им самим, а частью окружавших его постоянно, привлеченных к нему коварными замыслами. Количество их прибывало, благодаря курению опиума. Именно они побуждали его к преступлениям. Одна такая сущность, некая Тварь, во сне «подавала ему смертоносную, со свинцовой оконечностью дубину, указывая на Эдвина. Он принял дубину из рук Твари и одним взмахом убил спящего».

С некоторых пор Джаспера начала преследовать и днем и ночью Высшая сила, «грозная прозрачная Тень», вставшая на защиту маленькой Бетси: «Что это делает теперь возле ребенка Грозное *Что-то*! – вопрошает он. – Как может *Оно* разрастаться до таких размеров, что способно медленно и тщательно как бы окутывать умирающую девочку с ног до головы своей прозрачной, тенистой формой и все-таки не отымать с лица его пристального огненного взгляда, пронзающего его насквозь из Невидимых Глаз?» Высокая энергетика этой силы «выжигает» из сознания Джаспера все его преступные намерения. Он чувствует, «будто бы растопленное олово обращается в жилах его вместо крови, а мозг начинает двигаться и гореть». В итоге «кровь его превращается в кипящий источник, брызгая из скалы, в которую он превратился сам. Огненные волны продолжают подыматься все выше и выше, зажигая мозг его, пока, наконец, они не пережигают его до самого основания!.. Фонтан брызгает на мозг, обливая его целым океаном огня». Джаспер сходит с ума. Таков Божий суд за гордыню, жестокость и безверие.

Противостоит темной фигуре Джаспера светлая личность девочки Бетси, с «большими голубыми глазами», с «необыкновенной понятливостью и умственным развитием», воплощенный луч Живой и Всемирной Любви. У нее была постоянная связь с Иным миром через *яркие сны*, в которых она разговаривала со своей так рано умершей мамой. «Днем и ночью, – говорит Бетси, – я вижу над собой лицо, такое грустное и скучное, и знаю я, что это мама моя, хоть лица ее не помню живым. И так меня тянет к ней, так хочется мне улететь с ней, что кажется, не буду я никогда веселей, пока оно не сбудется». Недолго проживет девочка, отправившись навстречу с мамой в Небесных Садах. Часто находили ее «сидящей тихо на садовой скамейке; держа в худой маленькой ручке своей цветы, Бетси так пристально смотрит на них, что можно подумать она прислушивается к тайному, слышанному ею одной лепету растений этих, которые, исповедуя

---

right, he shall save his soul alive”. То есть: “И беззаконник, если обращается от беззакония своего, какое делал, и творит суд и правду, – к жизни возвратит душу свою” (Иез. 18, 27). Именно этим стихом начинается вечерня в англиканской литургии. Но разве он не может быть ключом к тайне Эдвина Друда?» (*Абаринов В.* Тайна Друда и Джаспера // https://sites.google.com/site/droodiana/articles/vladimir-abarinov-tajna-druda-i-dzaspera).

[23] Иез. 18, 28.

[24] Лук. 15.

ребенку чистые мысли свои, рассказывают ей о других цветах, цветущих в далекой прекрасной стране дȕхов, где никогда они не блекнут и не умирают».

Одной из ключевых сцен в романе является встреча Бетси с Джаспером в Рождественский день. Мама повелела ей не умирать, прежде чем она не увидится с отцом. При встрече дитя «медленно поднимает на него свои голубые, полные кротости глаза и тихо произносит: “Я должна была видеть вас; так хотела мать, дорогая моя мать, которая приходит ко мне каждый день во сне, и она велела мне сказать вам, что когда я умру и буду с ней, то стану всегда молить Бога, чтобы простил Он вам и сделал бы вас менее злым… Когда унесут меня Божьи Ангелы на Небо, я стану молиться там за вас и стану просить и маму, чтобы и она молилась за вас также. Не знаю отчего, но хотя вы всегда ненавидели меня, я же чувствую, что люблю вас и жалею вас, – может потому, что вы отец мой!.. Неужели не чувствуете вы хоть одну, только одну, крошечку любви к моей бедной умершей маме? Я знаю, как любила она вас! Кому лучше знать это, как не мне, которой так много рассказывала она про вас в снах моих; разве не видала я каждую ночь в лице ее столько горести... О, как много горя! Но все-таки, говоря про вас, я видела и знала, что она любит вас и прощает». Любовь Бетси и ее мамы спасает Джаспера. После смерти Ангел с золотым лицом уводит «уставшую маленькую девочку с собой».

Через многие испытания и страдания прошли герои романа Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда». Это неизбежно, такова судьба несовершенного людского племени. «О! Когда прозрит, наконец, Род Человеческий? – восклицает автор книги. – Когда освободится Он от этой мучительной, добровольно принятой на себя слепоты? То знает только Тот, для Кого ничего нет скрытого в Будущем! Но он недалек, тот день. Мы это чувствуем – когда *Смерть* переменит свое мрачное имя на земле на *Возрождение* в Стране Свободы и Чистой Любви, а рождение на земной планете назовется *Временной Неволей* и станет встречаемо со слезами и сожалением!»